

Ф. РУЗВЕЛЬТ — СТОРОННИК СОТРУДНИЧЕСТВА С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Н. Н. Яковлев

Как ни широк спектр оценок деятельности Ф. Рузвельта в сфере международной политики, основное место в нем занимает констатация политического реализма президента. В этом мнении обнаруживается редкое согласие между противниками и сторонниками Рузвельта. В сложной и тревожной обстановке 30-х — первой половины 40-х годов президент неустанно напоминал своей стране, что нужно принимать мир, каким он есть, считаться с реальностями, а не парить в высотах абстрактных доктрин. Рузвельт не уставал разъяснять это положение, буквально вбивая его в голову упрямым. «Самый страшный промах, который может совершить любое правительство, — говорил он, — это утрата связи с реальностью, из чего проистекают все возможные формы зла»¹.

Свою приверженность политическому реализму Рузвельт доказал не только словами, но и делами, среди которых видное место занимают отношения с СССР. Его президентство явилось вехой в отношениях двух великих держав. 16 ноября 1933 г., на семнадцатом году существования СССР, американское правительство признало Советское государство. Этот шаг свидетельствовал о большой дальновидности и прозорливости администрации Рузвельта. Естественно, что за это реакционеры не уставали поносить президента и при жизни и после его смерти. Сенатор Д. Маккарти в начале 50-х годов заявил, например, что «признание Советской России в 1933 г. открыло эру двадцатилетнего предательства»². Отвлекаясь от того очевидного обстоятельства, что Маккарти направлял свои стрелы против демократической партии, можно сказать, что его суждение выражало настроения крайне реакционных сил США. Ослепленные антикоммунизмом, они всегда видели в социалистической стране заклятого врага, не задумываясь над тем, какими последствиями эта позиция чревата для самих Соединенных Штатов.

Если для оголтелых антикоммунистов американско-советские отношения при Рузвельте — темное пятно в истории внешней политики США, то сам президент придерживался противоположного мнения. Выступая 21 октября 1944 г. в Нью-Йорке перед Ассоциацией внешней политики, он заявил: «Я хочу поговорить об американской внешней политике. Я хочу говорить без горячности, без скороспелых суждений... Мне хочется привести в этой области один эпизод, которым я горжусь. Речь идет о признании Советской России в 1933 году. И я хочу добавить кое-что личное. В 1933 году некая дама — она сидит напротив (Элеонора Рузвельт. — *Н. Я.*) — вернулась из поездки по стране (речь идет о США. — *Н. Я.*), во время которой она присутствовала на открытии новой школы. С детьми 8—10 лет она прошла в классы истории и географии и, как она

¹ «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt». Ed. by S. Rosenman. Vol. 5. N. Y. 1943, p. 387.

² «Franklin D. Roosevelt. A Profile». Ed. by W. Leuchtenberg. N. Y. 1967, p. XI

мне рассказывала, увидела там карту мира с большим белым пятном на ней, без надписи, без каких-либо объяснений. Учительница рассказала ей, что там не было никакой надписи, ибо попечители школы запретили ей говорить что-либо об этом большом белом пятне. На этом пространстве жило всего-навсего 180—200 млн. человек и называлось оно Советской Россией. В течение шестнадцати лет до этого американский и русский народы практически не имели средств общаться друг с другом. Мы восстановили эти средства. А сегодня мы сражаемся вместе с русскими против общих врагов и мы знаем, что вклад России в войну был и остается гигантским. А ведь нам пришлось преодолеть немало трудностей»³.

Было бы опрометчивым, больше того, глубоко ошибочным полагать, что правительство США, нормализуя отношения с СССР в 1933 г., из чего в конечном итоге выросло сотрудничество в 1941—1945 гг., руководствовалось сентиментальными соображениями, выраженными в набившей оскомину риторике Вашингтона, исполненной призывами к международному миру, сотрудничеству и пр. Администрация Рузвельта следовала хладнокровному и достаточно точному политическому расчету — установление отношений с Советским Союзом отвечало коренным американским интересам. То, что это положение не всегда подчеркивается в буржуазной историографии, понятно. Как справедливо заметил американский историк В. Ньюмен, «отношение президента Рузвельта к Советскому Союзу и советскому коммунизму было предметом крайних партийных интерпретаций, а появлению их способствовала исключительная бедность источников, по которым можно судить о развитии его мышления»⁴.

Объяснение мотивов, по которым Рузвельт приходил к важнейшим решениям, дает как конкретное рассмотрение обстановки, так и свидетельства лиц, находившихся в его окружении. Что касается генезиса рузвельтовской политики в отношении СССР, то никак нельзя сбросить со счетов мнение проф. Р. Тагвелла. Он входил в число первоначальных членов «мозгового треста», а в последующие десятилетия — вплоть до сегодняшнего дня — настойчиво разъясняет суть внешнеполитического курса Рузвельта. Пафос его последней книги «Сбились с курса»⁵ состоит в том, что со смертью Рузвельта в Вашингтоне предали забвению принципы политического реализма, отсюда — текущие трудности США на международной арене. Квалифицировав позицию Вашингтона в отношении СССР до 1933 г. как «жесткую и продиктованную предрассудками», Тагвелл пишет: «Еще до вступления в должность президент Рузвельт дал понять, что его позиция будет иной. Время от времени, когда об этом заходила речь, я запоминал его различные высказывания на этот счет и видел, что у него сложились четкие идеи. Я, как и в других случаях, естественно, гадал, что это за идеи и как он пришел к ним. Прождав и пронаблюдав порядочное время, я, как мне представлялось, нашел ответ и с тех пор был еще более заинтересован в том, чтобы убедиться, прав ли я... Интерес Рузвельта (к проблеме признания СССР.— Н. Я.) был интересом работника, который выбирает марку стали для машины или определяет качество удобрения для поля. Сталь или удобрение сами по себе могут иметь великолепные технические характеристики, однако, если требуется достигнуть определенных результатов, естественно и разумно, чтобы именно они определяли выбор материалов или инструментов. Президент США измерял эти результаты иными критериями, чем кто-либо другой. Эти результаты должны были быть прежде всего хороши для страны и быть приняты ею, только по

³ «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1944—1945». N. Y. 1952, p. 342.

⁴ W. Neuman. After Victory. Churchill, Roosevelt, Stalin and the Making of the Peace. N. Y. 1967, p. 88.

⁵ R. Tugwell. Off Course. From Truman to Nixon. N. Y. 1971.

13 июля 1935 г. было подписано торговое соглашение, а по соглашению от 4 августа 1937 г. США и СССР признали принцип «наибольшего благоприятствования» во взаимной торговле. Хотя товарооборот между ними так и не достиг пика, приходившегося на годы первой советской пятилетки, в 1938 г. он составил внушительную сумму — около 94 млн. долларов. Расширились культурные связи. Советские писатели И. Ильф и Е. Петров, побывавшие в США, посвятили свой правдивый рассказ-репортаж («Одноэтажная Америка») стране, шедшей «новым курсом». Президент Рузвельт живо реагировал на события, которые были неотделимы от истории СССР 30-х годов. Руководитель экспедиции на «Челюскине» О. Ю. Шмидт был принят в Белом доме. Герои-летчики В. Чкалов, Г. Байдуков и А. Беляков встретили сердечный прием в США после беспрецедентного полета через полюс. Все это памятные вехи из истории американо-советских отношений времени президентства Рузвельта.

Гораздо сложнее обстояло дело с развитием политических отношений в критические годы накануне второй мировой войны. Среди американских историков еще Ч. Бирд усматривал особенность политического почерка Рузвельта и его отличие от предшествовавших президентов в том, что, строя отношения с государством противоположной социально-экономической системы, он не был ригористом. Правда, Бирд тут же подчеркивал, что, устанавливая отношения с СССР, президент пытался тем самым остановить Японию, вставшую на путь захватов на Дальнем Востоке и угрожавшую американским интересам⁹. Один из видных представителей современного «ревизионистского» направления в историографии США, В. Вильямс, указывает, что эта трактовка, «в общем, самая распространенная» в США. Но, продолжает он, дело этим не ограничивалось: Рузвельт «хотел установить определенные связи и обсуждать проблемы мира с участием Соединенных Штатов и всех основных держав. Однако он никогда не стремился к такого рода соглашению, которого добились русские, что видно из его упорного отказа дать ответ на их предложения относительно заключения пакта о ненападении с Китаем и Советским Союзом»¹⁰. Даже после нападения Японии на Китай Рузвельт не изменил своей позиции. Советский посол в Вашингтоне А. А. Трояновский заметил Рузвельту: «Пакт между нами будет иметь значение известной солидарности, в особенности, если в пакт будет включен пункт о консультации в случае угрозы одному из участников пакта». На это Рузвельт возразил: «Пактам веры нет. Главная гарантия — это сильный флот... Посмотрим, как выдержат японцы морское соревнование»¹¹.

Иными словами, в те годы, когда советская дипломатия развернула борьбу за создание системы коллективной безопасности, правительство Рузвельта стремилось сохранить руки свободными, не связывая себя никакими официальными соглашениями с государствами, которые могли бы выступить против держав «оси». Больше того, в США было введено законодательство о «нейтралитете», игравшее в конечном счете на руку агрессорам. Спорен вопрос, в какой мере администрация Рузвельта была прямо причастна к принятию соответствующих законов, но несомненно одно — правительство не приложило достаточных усилий, чтобы нейтрализовать «изоляционистские» настроения в конгрессе и стране. Это в полной мере относится и к Рузвельту, который не мог не видеть опасности поднимавшейся волны международного разбоя и беззакония. Об этом он сам четко и ясно сказал в известной речи в Чикаго 5 октября 1937 года. Нарисовав мрачную картину состояния дел на международной арене, он заявил: «Миролюбивые нации должны предпринять совме-

⁹ Ch. Beard. American Foreign Policy in the Making, 1932—1940. A Study in Responsibilities. New Haven. 1946, pp. 144—146.

¹⁰ W. A. Williams. The Tragedy of American Diplomacy. N. Y. 1962, p. 165.

¹¹ См. Л. Н. Кутаков. История советско-японских дипломатических отношений. М. 1962, стр. 154.

стные усилия для защиты законов и принципов, на которых только и может основываться мир... Миру, свободе и безопасности 90% человечества угрожают оставшиеся 10%... К сожалению, эпидемия международно-беззакония распространяется. Когда возникает эпидемия, тогда общество устанавливает карантин вокруг заболевших, чтобы защитить себя... Америка ненавидит войну. Поэтому Америка активно ищет мира»¹².

Однако дальше слов Рузвельт не пошел, хотя вслед за «карантинной речью» в ноябре 1937 г. в Брюсселе состоялась международная конференция, на которой представилась полная возможность претворить их в дела. Конференция, в которой участвовали СССР и США, обсуждала нарушение Японией международных договоров. Советский Союз предложил применить против агрессора коллективные санкции, предусмотренные Уставом Лиги Наций. Советская дипломатия звала стать на путь коллективных действий. Но западные державы, включая США, отвергли его. Их представители внушали советской делегации, что образумить японских милитаристов должен единолично Советский Союз, направив для начала эскадрилью, которые подвергли бы бомбардировке Токио. Дальнейший ход событий в области японо-советских отношений в этом случае нетрудно было предвидеть.

Сказанное верно и для европейских аспектов американско-советских отношений. Буллит в начале 50-х годов писал в письме автору специального исследования о генезисе американско-советских отношений Р. Браудеру: «Основная причина (решения Рузвельта признать СССР.— Н. Я.) — предотвратить развязывание войны Гитлером»¹³. Но если это так, то почему правительство США вплоть до второй мировой войны упорно отклоняло все без исключения предложения Советского Союза об организации системы коллективной безопасности? Почетная задача «предотвращения» указанной войны сознательно возлагалась только на плечи СССР. Несомненно, это свидетельствовало о высокой оценке Рузвельтом как мощи Советской страны, так и ее решимости защитить демократию во всем мире. Но где же тогда различие между политикой США и «умиротворением» фашистских агрессоров, что было целью мюнхенцев в Англии и Франции, стремившихся «канализировать» гитлеровскую агрессию на Восток, против Советского Союза? Здесь в действиях Рузвельта налицо парадокс, который, однако, легко разъясняется с точки зрения политики «баланса сил»¹⁴.

Рузвельт всего лишь следовал вековым традициям американской дипломатии. Он относился к СССР с уважением и пониманием ровно в той мере, в какой Советский Союз, по его мнению, мог сыграть роль в американских комбинациях, построенных на основе доктрины «баланса сил» и не больше. Вследствие этого отношения между СССР и США должны были улучшаться прямо пропорционально росту угрозы Соединенным Штатам со стороны агрессивных держав. Эту тенденцию и выражал Рузвельт. Его притягивали не симпатии к социалистической стране, а осознание ее растущей мощи, служившей надежной гарантией защиты человечества, включая американский народ, от угрозы фашистского порабощения.

Рузвельт смог, однако, преодолеть предрассудки определенной и весьма влиятельной части американских правящих кругов, которые не допускали и мысли о сотрудничестве с социалистическим государством. В кризисные 30-е годы для ряда представителей финансовой олигархии США фашизм представлялся верным средством спасения капитализма. Господствовавшие в Вашингтоне идеологические доктрины открывали

¹² «The United States in World Affairs, 1937». N. Y. 1938, pp. 280—282.

¹³ R. Browder. *Origins of Soviet-American Diplomacy*. Princeton, 1953, p. 111.

¹⁴ См. Н. Н. Яковлев. Франклин Рузвельт — человек и политик. М. 1969, стр. 230—231.

перед президентом богатейший выбор возможностей, в том числе и по линии сговора с агрессорами на антисоветской основе, к чему, собственно, и звала открыто крайняя реакция. Рузвельт отверг их, но при этом солидаризировался с отрицательными оценками государственной и общественной системы Советского Союза. На деле же он поставил государственные интересы США выше антикоммунистических клише, что доказал период 1941—1945 гг. в истории американо-советских отношений.

Если международная реакция приветствовала агрессию гитлеровской Германии и аплодировала ее походу на Советский Союз, то Рузвельт по-иному смотрел на вещи. Он понимал, что нападение на СССР создает угрозу и для США, ибо гитлеровцы открыто рвались к мировому господству. Президент считал необходимым оказать помощь СССР при том условии, что будет доказана способность советского народа выстоять под первыми ударами вермахта. В то же время он считался с сильными антикоммунистическими настроениями в США, над укреплением которых много лет трудилась буржуазная пропаганда.

Новейший биограф Рузвельта Д. Барнс так оценивает его действия в первые недели после начала Великой Отечественной войны: «Он одобрил неуклюжее заявление государственного департамента, в котором указывалось, что хотя как фашизм, так и коммунизм — плохи, фашизм настолько хуже, что любая помощь антигитлеровским силам, независимо от ее источника, полезна для безопасности Америки. Он сказал газетчикам: «Мы, разумеется, окажем всю возможную помощь России», однако не уточнил, когда и как, а Англия сохранила приоритет в получении американской военной продукции. Когда редактор журнала «Liberty» Фултон Орслер прислал ему проект первой передовой после вторжения (Германии в СССР.— Н. Я.), ...содержавшей резкие нападки на советский режим, Рузвельт ответил: «Если бы я сидел за вашим столом, я написал бы передовую, осуждающую в равной степени русскую форму диктатуры, как и германскую форму диктатуры, однако тут же сделал ясным, что ныне непосредственная угроза безопасности США — гитлеровские армии...». Таким образом, первая реакция Рузвельта на беду, обрушившуюся на Россию, была — сочувствие: это соответствовало моменту и требованию осторожности. Конечно, он не издал трубного зова к созданию великой коалиции против фашизма и даже не призвал к оказанию широкой помощи России»¹⁵.

Размеры помощи СССР, по мнению Рузвельта, определялись значением борьбы советского народа для безопасности США (разумеется, в его понимании). До тех пор, пока не была установлена способность СССР продолжать войну против вермахта, представлявшегося тогда непобедимым, с точки зрения Рузвельта, не могло быть и речи о существенной, несимволической поддержке Советскому Союзу. Ленд-лиз был распространен на СССР только на 140-й день Великой Отечественной войны — 7 ноября 1941 года. Хотя Рузвельт никогда не разделял пессимистических оценок высшего командования американских вооруженных сил относительно Красной Армии, все же в начале Великой Отечественной войны он никак не думал, что Советский Союз выйдет из нее могучей военной державой. На Атлантической конференции Рузвельта и Черчилля в августе 1941 г., по свидетельству С. Уэллеса, «президент... заявил, что он не будет выступать за создание (после войны.— Н. Я.) новой Лиги Наций, по крайней мере до тех пор, пока международные полицейские силы США и Англии не проведут соответствующую работу»¹⁶. Рузвельт не сомневался в конечной победе над державами «оси», однако был убежден, что это будет победа англосаксонского мира.

Большая стратегия Рузвельта заключалась в том, чтобы повернуть события в ходе второй мировой войны именно в таком направлении.

¹⁵ J. Burns. Roosevelt: The Soldier of Freedom. N. Y. 1970, p. 103.

¹⁶ W. A. Williams. Op. cit., p. 202.

Под этим углом зрения он рассматривал оказание помощи всем без исключения противникам гитлеризма, включая Советский Союз, и наметил при этом соответствующее «распределение труда» в ходе коалиционной войны. А. Гарриман, выполнивший в то время самые ответственные поручения американского правительства, свидетельствует, что Рузвельт и Черчилль «нуждались в СССР как в союзнике. Ради самосохранения они хотели поддержать Россию, чтобы она сражалась. ...США пока не воевали, однако Рузвельт опасался, что им рано или поздно придется вступить в войну, хотя он и не знал как. Он был заинтересован, чтобы... американское участие ограничивалось введением в дело воздушной и морской мощи при минимальном использовании наземных сил. Мы все — в значительной степени продукт своего жизненного опыта, а Рузвельт смертельно боялся ужасов позиционной борьбы типа первой мировой войны. Он не хотел, чтобы американцы отправились в Европу и вновь прошли через такую войну. Он надеялся, что, если мы поможем русским продолжать сражаться, Красная Армия свяжет армии держав «оси», и мы, используя воздушные и морские силы, сможем избежать использования крупных наземных сил в Европе»¹⁷.

Этот образ мыслей, естественно, требовал поддержания дружественных американско-советских отношений, и Рузвельт прилагал все усилия, чтобы его добрая воля по отношению к советскому народу была видна всему миру. В дни Великой Отечественной войны Белый дом неоднократно объявлял для всеобщего сведения, что американское правительство и лично президент высоко оценивают мужественную борьбу советских людей. В специальных грамотах городам-героям Сталинграду и Ленинграду президент выражал восхищение их подвигами. Конгресс США благодарил американских союзников, в первую очередь СССР, за вклад в борьбу против общего врага. В годы войны в США создавалась атмосфера дружелюбия в отношении Советского Союза и Красной Армии. В значительной степени этому содействовал президент. У Рузвельта имелся для этого свой стимул. Как он объяснял генералу Д. Маркатуру еще в мае 1942 г., «с точки зрения большой стратегии в наступающую весну и лето ясен простой факт: русские армии убивают больше нацистов и уничтожают больше вражеского снаряжения, чем все остальные 25 Объединенных Наций, вместе взятых»¹⁸. Добавим, включая и США.

По крайней мере до великой победы под Сталинградом Рузвельт опасался, что Советский Союз не сможет удержать фронт под натиском основных сил гитлеровской Германии и ее союзников. Он санкционировал вторжение в Европу в 1943 г. силами 18—21 дивизий, а в случае критического положения на советско-германском фронте высадка должна была состояться уже осенью 1942 г. с участием примерно трети этих континентов. Американские штабы, предрекавшие неизбежное поражение СССР, торопили с переходом к активным действиям, опасаясь, что в противном случае США останутся лицом к лицу с победоносной Германией. В эти месяцы Рузвельт с его верой в способность Советского Союза выстоять оказался намного выше профессиональных военных. Дабы мир знал, что в тяжелый час США стоят плечом к плечу с Советским Союзом, в коммунике от 12 июня 1942 г. (о переговорах Рузвельта с советской делегацией в Вашингтоне) было указано: между США и СССР «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»¹⁹. Президент заявил советской делегации, что для срочной подготовки вторжения крупными силами потребуется тоннаж, первоначально предназначавшийся для до-

¹⁷ A. Harriman. *America and Russia in a Changing World*. N. Y. 1971, pp. 14—15.

¹⁸ «The New York Times», 20.X.1955.

¹⁹ «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны». Т. I. М. 1944, стр. 248.

ставки в СССР грузов по ленд-лизу. Советские представители согласились с доводами президента и в интересах обеспечения десантной операции не возражали против сокращения поставок по ленд-лизу в течение года с 1 июля 1942 г. вместо намеченных 8 млн. до 2,5 млн. тонн. Впрочем, и эти цифры не были достигнуты: к концу ноября 1942 г., то есть к завершению оборонительной фазы сражения под Сталинградом, в СССР из США было отправлено 840 тыс. т грузов вместо 1 608 тыс. т, предусмотренных планом²⁰.

Однако уже в августе 1942 г. США и Англия сообщили Советскому Союзу об отказе открыть второй фронт. В то же время Рузвельт заверил Советское правительство, что Америка будет идти вместе с СССР до победоносного завершения войны. 19 августа Рузвельт писал Сталину: «Соединенные Штаты хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 года, и я могу сообщить, что мы весьма восхищены великолепным сопротивлением, которое продемонстрировала Ваша страна. Мы придем Вам на помощь по возможности скорее и по возможности большими силами, как только сможем это сделать, и я надеюсь, что Вы верите мне, когда я сообщаю Вам об этом». В тяжелейший период Великой Отечественной войны Рузвельт в своих посланиях Сталину неоднократно заявлял, что он как президент США — большой друг советского народа и беспредельно восхищен подвигами Красной Армии, сражавшейся один на один с общим врагом. «Посылаю Вам мои самые сердечные поздравления, — писал он 5 октября 1942 г., — с великолепными победами советских армий». 9 октября он подчеркивал: «Доблестная оборона Сталинграда взволновала в Америке всех, и мы уверены в ее успехе». 19 ноября Рузвельт добавлял: «Мне не приходится говорить Вам о том, чтобы Вы продолжали хорошую работу. Вы делаете это, и я искренне считаю, что дела везде выглядят в более благоприятном свете»²¹.

Успехи советских войск зимой 1942/43 гг. обеспечили коренной поворот в ходе второй мировой войны. Стало очевидно, что Советский Союз способен нанести поражение Германии и ее сателлитам. В ноябре 1942 г. Рузвельт пересмотрел планы развертывания американской армии. Вместо намеченных 215 дивизий было решено сформировать 100, а в действительности США окончили войну, имея 89 дивизий. Этим были весьма разочарованы американские командующие. В официальной истории американской армии сказано: «Генерал Маршалл и его коллеги были все еще преисполнены решимости, чтобы США сделали основной вклад вооруженными силами в нанесение поражения державам оси. Оттягивание вторжения в Северо-Западную Европу... вынудило пересмотреть размеры этого вклада»²². В коалиционной войне, как видел ее Рузвельт, основное бремя наземных операций должен был нести Советский Союз. Второй фронт, обещанный на этот раз в 1943 г., был открыт только в июне 1944 года.

Рузвельт был твердо убежден, что проводимая им политика соответствует высшим интересам антигитлеровской коалиции, которые, разумеется, отождествлялись с военными целями США, он не сомневался, что его курс способствует укреплению Объединенных Наций. Указания на то, что затяжка с открытием второго фронта наносит ущерб СССР, раздражали его, ибо он считал себя человеком, преисполненным самыми искренними и теплыми чувствами к советскому народу. «Журналисты, — пишет Д. Барнс, — редко видели президента таким разгневанным, ка-

²⁰ Н. Н. Яковлев. Указ. соч., стр. 446.

²¹ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941—1945». Т. I. М. 1957, стр. 32, 33, 38.

²² «American Military History». Ed. by M. Matloff. Washington. 1969, p. 460.

ким он предстал на пресс-конференции 21 августа 1943 года. Его спросили, верны ли слухи, что Сталин предложил провести трехстороннее совещание. Нет, ответил президент, но у него есть что сказать по другому вопросу, и пусть это станет достоянием гласности. Некий публицист, заявил он, совершил бесчестный поступок в отношении своей страны, нанес ущерб единству Объединенных Наций, а следовательно, военным усилиям. «Я не колеблюсь сказать, что все его заявления с начала до конца ложь, но в этом нет ничего нового, ибо он хронически лжет в своих статьях». Журналисты знали, кого и что имел в виду президент: Дрю Пирсон только что написал в своем обзоре под рубрикой «Вашингтонская карусель», что К. Хэлл «давным-давно занимает антирусскую позицию», а выступая по радио, утверждал, что Хэлл и его главные помощники «Адольф Берли, Джимми Данн, Брекенридж Лонг в действительности хотят, чтобы Россия истекла кровью... и русские знают об этом». Хэлл обратил внимание президента на эти высказывания, заклеил их как «чудовищную и дьявольскую ложь» и пригласил советского поверенного в делах А. А. Громыко к себе, чтобы опровергнуть их»²³.

Стремления Рузвельта поддерживать дружественные отношения с СССР не вызывают ни малейшего сомнения, хотя его мотивы после коренного поворота в ходе второй мировой войны, осуществленного силой советского оружия, были иными, чем в начале Великой Отечественной войны. Результаты побед Красной Армии под Сталинградом и Курском оказались неожиданными для Запада. Последствия наступления Советских Вооруженных Сил стали очевидны — советский солдат был в состоянии освободить всю Европу. Расчеты на то, что СССР выйдет ослабленным из войны, не оправдались. Рузвельт был в числе первых, кто сделал надлежащие выводы из этого, поняв, что политические возможности США ограничиваются соотношением сил, сложившихся внутри антигитлеровской коалиции.

В августе 1943 г., когда Москва салютовала новым победам советских армий — были взяты Орел и Харьков, — Рузвельт и Черчилль встретились в далеком канадском городе Квебеке. Американцы настояли на том, чтобы второй фронт был открыт в 1944 г., ибо, предупредил Рузвельт, англо-американские войска «должны быть готовы вступить в Берлин не позднее русских». И одновременно американская делегация подчеркивала жизненную важность продолжения сотрудничества с СССР. Мотивы этой позиции видны из документа «Позиция России», подготовленного весьма «высокопоставленным военным стратегом США» (скорее всего это было коллективное творчество американского комитета начальников штабов), в котором говорилось: «По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания баланса сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки. Выводы из вышеизложенного ясны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она, безусловно, будет занимать господствующее положение в Европе после поражения держав «оси», еще важнее поддерживать и развивать дружественные отношения с Россией»²⁴.

Трезвые суждения комитета начальников штабов о соотношении сил СССР и США к концу войны отражали точку зрения Рузвельта. В пред-

²³ J. Burns. Op. cit., p. 398.

²⁴ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М. 1958, стр. 431—432.

двери Московского совещания министров иностранных дел, назначенного на октябрь 1943 г., комитет начальников штабов рекомендовал государственному секретарю Хэллу помнить о «неразрывной связи между политическими предложениями и военными возможностями». На взгляд комитета, «после разгрома Германии могучая советская военная машина будет господствовать к востоку от Рейна и Адриатического моря, Советский Союз может осуществить любые желательные ему территориальные изменения в Центральной Европе и на Балканах»²⁵.

Понимание того, что СССР стал могучей силой, способствовало принятию согласованных решений как на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии, так и на конференции глав трех великих держав в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 года. То была первая личная встреча Ф. Рузвельта с И. В. Сталиным. Американский президент предложил обсудить «вопрос о будущем устройстве мира», в том числе о создании после войны международной организации. Для сохранения мира Рузвельт считал необходимым в рамках этой организации учредить «Полицейский комитет» в составе четырех держав (США, СССР, Англия и Китай). За два с половиной года логика вооруженной борьбы многому научила президента, и он больше не думал, что только на США и Англии будет лежать ответственность за поддержание мира по завершении войны. В ходе обсуждения важнейших вопросов на конференции Рузвельт заявил: «Я надеюсь, что наши нации теперь поняли необходимость совместных действий, и предстоящие операции наших трех стран покажут, что мы научились действовать совместно»²⁶. Выражением единства взглядов участников конференции было решение об открытии второго фронта во Франции в мае 1944 г., к которому Советский Союз обещал приурочить наступление на советско-германском фронте, с тем чтобы сковать силы врага.

Вторжение в Нормандию началось 6 июня 1944 г., когда советские войска, как это было обусловлено в Тегеране, успешно развивая наступление, наносили все новые и новые удары по врагу, в том числе и на главном направлении. Значение этих ударов для развития операций во Франции трудно переоценить. «Забывают,— писал впоследствии А. Гарриман,— что в то время на Восточном фронте находилось примерно двести нацистских дивизий и пятьдесят дивизий сателлитов. Наши планы исходили из предположения, что мы сможем осуществить успешную высадку во Франции, если на Западе Европы будет не более тридцати подвижных нацистских дивизий. Следовательно, переброска относительно небольшого количества дивизий с Восточного фронта на Запад могла бы привести к катастрофе»²⁷.

Близость победоносного завершения войны поставила на повестку дня важнейшие проблемы послевоенного устройства мира. Рузвельт видел возможность строительства этого мира только на пути продолжения сотрудничества трех великих держав, возникшего в годы войны. Он и ответственные военные руководители США понимали, что при соотношении сил, складывавшемся в лагере победителей к исходу войны, много не было дано. Мощь Советского Союза заранее обрекала на неудачу любые попытки одностороннего решения спорных вопросов силой. 3 августа 1944 г. американский комитет начальников штабов представил госдепартаменту новые рекомендации, призвав к осмотрительности в отношениях с СССР: «После успешного завершения войны против наших нынешних врагов в мире произойдут изменения в соответственной военной мощи, которые можно сопоставить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это решающий фактор для будущих политических реше-

²⁵ M. Matloff. Strategic Planning for Coalition Warfare, 1943—1944. Washington. 1959, pp. 292—293.

²⁶ «Тегеран, Ялта, Потсдам». Сборник документов. М. 1970, стр. 59, 83.

²⁷ A. Haggiman. Op. cit., p. 31.

ний и всех обсуждений политических вопросов... После разгрома Японии только СССР и США останутся первоклассными военными державами. Сила и географическое положение этих двух держав исключают возможность военного поражения одной от другой, даже если к одной из сторон присоединится Британская империя»²⁸. В Вашингтоне, таким образом, поняли, что структура международных отношений будет иметь два полюса при примерном равенстве в силах между СССР и США.

США не могли изменить обстановки и соотношения сил, сложившихся в последний год второй мировой войны. Рузвельт отчетливо осознавал это. Отсюда его неустанные напоминания о необходимости укреплять сотрудничество с СССР и понимание, что США не имели возможности проводить иную политику, чем та, которой они тогда следовали. Узкий круг лиц в Вашингтоне рассчитывал изменить соотношение сил в лагере победителей с помощью атомного оружия, работа над созданием которого велась в глубокой тайне и была близка к завершению. Атомная бомба предназначалась стать «козырной картой» американской дипломатии, и, по мнению военного министра США Г. Стимсона, «вопрос об удовлетворительных отношениях с Россией был не просто связан, а буквально определялся» ею²⁹. Ф. Рузвельт, опасаясь, что нацисты первыми создадут атомную бомбу, добился приоритета США в этой области.

Датский физик Н. Бор, озабоченный перспективами международного мира после войны, в 1944 г. настойчиво предлагал Рузвельту и Черчиллю сообщить о новом оружии Советскому Союзу, дабы избежать в дальнейшем гонки атомных вооружений. Он считал, что это создаст атмосферу взаимного доверия, а установление международного контроля над атомным оружием еще до использования атомной бомбы в данной войне откроет эру сердечной дружбы в послевоенном мире. Прочитав пространные меморандумы Бора, президент посоветовал ему отправиться в Лондон и переговорить с Черчиллем. Английский премьер не пожелал слушать Бора³⁰. Растерянный, тот вернулся в Вашингтон, где его принял Рузвельт, весь светившийся доброжелательностью. Президент согласился с взволнованным ученым, что атомное оружие «создаст громадные возможности как для добра, так и для зла, поможет создать международное сотрудничество» и даже «откроет новую эру в истории». Бор ушел от Рузвельта окрыленным — президент намекнул, что свяжется с И. В. Сталиным по этому вопросу, а также переговорит с упрямым Черчиллем, не понимающим опасений выдающегося ученого³¹.

Рузвельт выполнил свое обещание в отношении Черчилля. На Квебекской конференции он действительно переговорил с ним. Итоги беседы видны из меморандума от 19 сентября 1944 г.: «1. Предложение о том, чтобы мир был информирован о «тьюб аллойз» (условное название работ по созданию атомного оружия.— Н. Я.) с целью достижения международного контроля над ним и его использованием. Вопрос должен по-прежнему считаться в высшей степени секретным, а когда «бомба» наконец будет изготовлена, она, вероятно, по зрелому размышлению, должна быть применена против японцев, которых нужно предупредить, что такая бомбардировка будет продолжаться до их капитуляции... 3. Следует провести расследование деятельности профессора Бора и принять меры, чтобы он не оказался ответственным за утечку информации, особенно русским»³². Чем объяснить эту секретность и особенно от Советского Союза? Г. Стимсон сделал следующие пометки о своей

²⁸ M. Matloff. Op. cit., pp. 523—524.

²⁹ H. Stimson, G. Bundy. On Active Service in Peace and War. N. Y. 1948, p. 644.

³⁰ M. Gowing. Britain and Atomic Energy 1939—1945. L. 1964, pp. 354—355.

³¹ R. Moore. Niels Bohr—the Man, His Science and the World they Changed. N. Y. 1966, pp. 348—350.

³² M. Gowing. Op. cit., p. 447.

беседе с Рузвельтом в конце августа 1944 г., то есть как раз в то время, когда Бор одолевал президента своими прекраснородушными прожектами: «Необходимо ввести Россию в лоно христианской цивилизации... Возможно использование С1 (код Стимсона для обозначения атомной бомбы.— Н. Я.) для достижения этого ... (отточие Д. Барнса.— Н. Я.) — меры в направлении разоружения, недопустимость раскрытия тайны С1, наука делает невозможным применение принятых критериев»³³.

В феврале 1945 г. Рузвельт отправился на Ялтинскую конференцию. Американская делегация была вооружена упоминавшимися выше рекомендациями комитета начальников штабов США («Позиция России»), специально подтвержденными накануне встречи в Крыму. Открывая работу конференции, Рузвельт отметил, что руководители США, СССР и Англии «уже хорошо понимают друг друга, и взаимопонимание между ними растет. Все они хотят скорейшего окончания войны и прочного мира». Президент особо подчеркнул, что «нужно беседовать откровенно. Опыт показывает, что откровенность в переговорах позволяет быстрее достичь хороших решений». На конференции были приняты важные решения, касавшиеся как ведения войны, так и демократического устройства мира после ее окончания. На переговорах господствовало стремление, говоря словами Рузвельта, «обеспечить мир по крайней мере на 50 лет». Атмосферу конференции хорошо передают слова И. В. Сталина, заметившего в ходе дискуссии: «Черчилль высказывал опасение, как бы не подумали о том, что три великие державы хотят господствовать над миром. Но кто замышляет такое господство? Соединенные Штаты? Нет, они об этом не думают. (Смех и красноречивый жест президента.) Англия? Тоже нет. (Смех и красноречивый жест Черчилля.) Итак, две великие державы выходят из сферы подозрений. Остается третья... СССР. Значит, СССР стремится к мировому господству? (Общий смех.) Или, может быть, Китай стремится к мировому господству? (Общий смех.) Ясно, что разговоры о стремлении к мировому господству ни к чему»³⁴. В коммюнике о результатах конференции указывалось: «Наше совещание в Крыму вновь подтвердило нашу общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций. Мы верим, что мир является священным обязательством наших правительств перед своими народами, а также перед народами мира»³⁵.

Рузвельт понимал, что оставшийся период войны можно пройти только в тесном сотрудничестве с СССР. Сняв многолетние возражения, он согласился с тем, что западная граница СССР будет проходить вдоль «линии Керзона». Были утверждены зоны оккупации в Германии. 11 февраля 1945 г. стороны подписали соглашение о том, что Советский Союз через два-три месяца по завершении боевых действий в Европе вступит в войну против Японии. Участие СССР в войне на Дальнем Востоке Вашингтон придавал величайшее значение, ибо по тогдашним оценкам комитета начальников штабов без СССР не удалось бы нанести поражение Японии вплоть до 1947 года. Рузвельт стремился подчеркнуть дух сотрудничества между СССР и США даже в протокольных вопросах. В записи восьмого заседания, проводившегося в Ливадийском дворце 11 февраля 1945 г., после изложения хода обсуждения коммюнике сказано: «Рузвельт говорит, что коммюнике следует подписать главам правительств, и он, Рузвельт, предлагает поставить первой подпись Сталина. Сталин возражает, указав, что в Соединенных Штатах имеется зубастая пресса, которая может изобразить так, что Сталин повел за собой пре-

³³ J. V i g n s. Op. cit., p. 459. О значении атомного оружия для американской внешней политики см.: Г. А л п р о в и ц. Атомная дипломатия. М. 1968.

³⁴ «Тегеран, Ялта, Потсдам», стр. 103, 130, 136—137.

³⁵ Там же, стр. 192.

зидента и премьер-министра. Поэтому он предлагает подписать коммюнике в алфавитном порядке, то есть первая подпись будет Рузвельта, вторая Сталина, третья Черчилля. Черчилль заявляет, что если руководствоваться английским алфавитом, то его подпись будет первой. Сталин отвечает, что он готов принять предложение Черчилля»³⁶. В таком порядке и было подписано коммюнике.

Ялтинская конференция продемонстрировала миру возможность сотрудничества государств с различным социально-экономическим устройством. Прежде всего и больше всего она показала, что в американско-советских отношениях должно господствовать уважение к законным интересам друг друга, без чего невозможно принятие решений на основе компромисса. Выступая в конгрессе с речью об итогах конференции, Рузвельт как трезвый политик особо выделил эту сторону дела. Говоря о принципах, признанных в принятой в Ялте «Декларации об освобожденной Европе», он отметил: «Конечные решения в отношении этого региона будут приниматься совместно, следовательно, они будут результатом компромисса. Соединенные Штаты не всегда будут добиваться своих целей на сто процентов, в равной степени это относится к России и Великобритании. У нас не всегда будут идеальные ответы, решающие сложные международные проблемы, хотя мы и преисполнены решимости неустанно двигаться к идеалу. Однако я уверен, что в соответствии с решениями, достигнутыми в Ялте, возникнет более стабильная, чем когда-либо, Европа». Рузвельт заверил конгресс, что встреча глав трех великих держав увенчалась большим успехом. «Мы сделали большой шаг по дороге к международному миру... Надеюсь, конференция в Крыму была поворотным пунктом в нашей истории, и следовательно, в истории мира»³⁷. Успех был достигнут потому, что за столом конференции фиксировались итоги сражений против фашизма, выигранных в первую очередь Советским Союзом.

Решения в Ялте, явившиеся кульминационным пунктом сотрудничества между СССР и США в президентство Рузвельта, вот уже почти три десятилетия подвергаются на Западе яростным нападкам. Если не принимать во внимание фантастические обвинения, продиктованные зоологическим антикоммунизмом, то критика в адрес Рузвельта сводится обычно к тому, что он из-за плохого состояния здоровья сдал якобы некоторые позиции Советскому Союзу и не понял возможных последствий решений, принятых в Ялте. Критика эта ведется в полном отрыве от реальной обстановки, существовавшей в феврале 1945 г., ее исходным пунктом является желание «переиграть» результаты минувшей войны. Именно так и ставится вопрос. На лекциях по проблемам советско-американских отношений, которые А. Гарриман читал в 1969 г., его прямо спросили: «Если бы Вы смогли переделать историю, какие бы изменения вы внесли в политику США во время военных конференций и какие последствия это имело бы для будущего?». На это А. Гарриман, бывший посол США в СССР и доверенный советник Рузвельта на Ялтинской конференции, ответил: «Я не думаю, что произошли бы какие-нибудь существенные изменения. Можно спорить по многим вопросам. Винят, например, Эйзенхауэра, что он не пошел на Берлин, но ведь было принято решение об установлении зон оккупации Германии. Считалось важным, чтобы мы не столкнулись с русскими, и поэтому договорились заранее об оккупационных зонах, чтобы избежать этой возможности. Соглашение о зонах в момент его принятия расценивалось нашими начальниками штабов как очень выгодное. Они полагали, что русские пройдут в Германии значительно дальше, чем случилось, а мы не продвинемся

³⁶ Там же, стр. 183—184.

³⁷ «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1944—1945», pp. 578—579, 571, 585.

так далеко, как произошло в действительности». Гарриман указал на суть проблемы — на обстановку на фронтах к исходу боевых действий в Европе — и категорически заявил: «Мы никоим образом не могли предотвратить любое из этих событий в Восточной Европе (переход власти в руки народа.— Н. Я.), не пойдя войной против русских»³⁸. Это, конечно, понимал и Ф. Рузвельт.

В 25-ю годовщину Ялтинской конференции «The New York Times» напечатала воспоминания А. Гарримана и Ч. Боллена — двух участников совещаний глав правительств СССР, США и Великобритании. Оба они энергично настаивали, что американская дипломатия в то время добилась максимума возможного. «Они оба указали, что утверждение, будто Ялта означала «предательство»,— это миф. Эту теорию «предательства» развивали такие историки, как Чарлз и Мэри Бирд, равно как и многие некоммунистические лидеры, эмигрировавшие из Восточной Европы»³⁹. А. Гарриман и Ч. Боллен отразили точку зрения, достаточно прочно установившуюся в американской историографии в результате усилий главным образом школы «реальной политики». Ее основатель Г. Моргентау давно уже заметил, что планы восстановления капитализма в странах Восточной и Юго-Восточной Европы были обречены на провал, ибо уже во время Ялтинской конференции «было невозможно ни заставить, ни уговорить Красную Армию отступить»⁴⁰. Д. Кеннан также категорически возражал против утверждений, что Рузвельт в Ялте пошел якобы на чрезмерные уступки Советскому Союзу. «Западные демократии,— писал он,— не могли сделать ничего, чтобы предотвратить вступление русских в эти районы, за исключением того, чтобы быть первыми, а этого они не были в состоянии сделать. Утверждения о том, что советские войска не вошли бы в Маньчжурию, если бы Рузвельт в Ялте не пришел к соглашению об этом со Сталиным,— вздор»⁴¹.

Что касается позднейших нападок лично на Рузвельта, который был-де наивен и не ведал, что творил, то эти утверждения не выдерживают критики. Современное «ревизионистское» направление в американской историографии убедительно показало, что президент вполне ведал, что творил,— он стремился политическими средствами компенсировать военные. «Абсурдно думать...— отмечает В. Вильямс,— что такой мастер тонкой политической борьбы, каким был Рузвельт, был наивен. Он мог переоценивать свои силы или искусство, но он не был наивен. Примечательно, что Рузвельт не отказался ко времени своей смерти от намерения восстановить мощь и влияние Соединенных Штатов в Восточной Европе»⁴².

Наконец, об утверждениях о том, что болезнь якобы помешала Рузвельту до конца понять, под чем он ставил свою подпись в Ялте. В 25-ю годовщину со дня смерти Рузвельта его личный врач Г. Бруен в медицинском журнале «Annals of Internal Medicine» опубликовал отчет о состоянии здоровья президента в последний год его жизни. Бруен наблюдал за ним в этот период почти ежедневно и подписал свидетельство о его смерти. В передовой статье журнала, опубликовавшего статью Бруена, сказано: «Основной вывод, вытекающий из статьи д-ра Бруена,— президент Рузвельт прекрасно мог — как духовно, так и интеллектуально — исполнять свои обязанности и принимать решения». Одновременно с опубликованием этого заключения о здоровье Рузвельта Д. Барнс разъяснил корреспонденту «Washington Post»: это свидетельство «заставит нас пересмотреть большинство интерпретаций о значении

³⁸ A. Harriman. Op. cit., pp. 68—69.

³⁹ «The New York Times», 8.II.1970.

⁴⁰ H. Morgenthau. In Defense of the National Self-Interest. N. Y. 1952, pp. 111—112.

⁴¹ G. Kennan. American Diplomacy 1900—1950. Chicago. 1951, p. 76.

⁴² W. Williams. Op. cit., pp. 223—224.

физического состояния Рузвельта в последний год его жизни». По мнению Барнса, Рузвельт обязался проводить коалиционную стратегию совместно с Россией «и был готов придерживаться ее по крайней мере на протяжении войны»⁴³.

Франклин Д. Рузвельт был в высшей степени сложным человеком, и не менее, если не более, была сложна внешняя политика его администрации. Сам он прежде всего имел в виду интересы США, в которые неизменно включал поддержание нормальных, а затем и дружественных отношений с СССР. Как замечает Д. Барнс, «с неистребимым оптимизмом он считал, что может осуществить две цели — стремиться к глобальным идеалам и проводить реальную национальную политику. Так, он пытался завоевать дружбу и доверие СССР и в то же время спасал жизни американцев, согласившись оттянуть вторжение в Европу, в результате чего Красная Армия истекала кровью. Он воздавал должное накануне самой смерти братскому духу международной науки и скрывал атомные секреты от своих партнеров — русских... Чем больше он проповедовал высокие цели, а на практике прибегал к ограниченным средствам, тем больше он выражал старую традицию американской демократии: «Возноси хвалу господу и держи порох сухим» — и тем больше увеличивал разрыв между ожиданиями масс и действительными возможностями. Этот разрыв между целями и средствами не только привел к угасанию надежд, разочарованию и цинизму внутри страны, но и помог посеять семена холодной войны уже в годы второй мировой войны»⁴⁴.

Возможно, и даже скорее всего, это именно так. Но по мере того, как годы президентства Рузвельта все дальше уходят в историю, становится все более очевидным, что именно политический реализм, отличавший его, привел США к сотрудничеству с СССР перед лицом общего врага. Рузвельт сумел перешагнуть через многие предрассудки и попытался построить отношения США с Советским Союзом на основе учета взаимных интересов. Усилия Рузвельта в этом отношении получили высокую оценку в СССР. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал: «Мы отдаем должное тем, кто стоял во главе правительств союзных с нами стран в годы совместной антифашистской борьбы»⁴⁵. Соединенные Штаты Америки возглавлял тогда Ф. Д. Рузвельт — сторонник сотрудничества с Советским Союзом.

⁴³ «The Washington Post», 12.IV.1970; «The New York Times», 12.IV.1970; см. также «The Sunday Star», 12.IV.1970.

⁴⁴ J. B u r n s. Op. cit., pp. 608—609.

⁴⁵ Л. И. Брежнев. Великая победа советского народа. М. 1965, стр. 28.